

Почему именно «Песах»?

Адин Штейнзальц

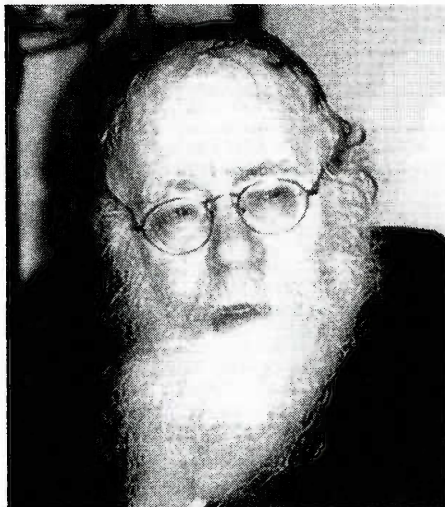
И Тора, и еврейский народ дают много различных названий празднику Исхода. Песах, Праздник весны, Праздник мацот, Время нашего Освобождения... Песах - самое известное и наиболее часто применяемое из них. Пожалуй, это название и самое удивительное, хотя в Пятикнижии недвусмысленно объяснено его значение, напоминающее нам о том, что Б-г "миновал" (ивр. "пасах") дома сынов Израиля в Египте, когда Он поразил египтян, а наши дома спас" (Шмот, 12:26, 27). Ведь на первый взгляд оно относится лишь к определенному историческому событию, происшедшему в конкретном географическом регионе и, стало быть, не имеющему столь универсальной и непреходящей ценности. Порой кажется, будто со временем подлинный смысл этого названия (с экзистенциальной точки зрения) был нами утрачен.

Вопрос о названии, конечно, вторичен по отношению к вопросу о смысле. Смысл праздника непременно - явно или тайно - связан с его названием. Вот тут-то и возникает главная проблема: в чем действительно состоит смысл праздника, каково его значение для всех последующих поколений? Ведь разница между событием - пусть даже выдающимся историческим событием - и отмечаемым ежегодно праздником коренится именно в этом! Событие важно лишь в определенный момент времени, а именно - тогда, когда оно происходит. Будет ли оно столь же значимым для всех последующих поколений? Это напрямую зависит от того, какое влияние оно оказывает на потомков. С праздником дело обстоит иначе, он тем и важен, что его смысл и значение не теряют актуальности, а возрождаются каждый раз, когда его отмечают, даже по прошествии многих лет, и если потом оказывается, что последствия связанных с ним событий отличаются от того, чего мы могли бы ожидать в момент их свершения. Это объясняет, почему столько дат и юбилеев, учрежденных официальными или правительственными органами, так и не стали праздниками. Однажды происшедшее событие стирается из памяти, а "красный день календаря", установленный в качестве памятной даты, в лучшем случае может стать выходным днем, сопровождающимся всенародным гулянием, но не праздником в полном смысле слова. Официально запланированное торжество, озаглавленное каким-то некогда случившимся радостным событием, связано с внешними организационными приготовлениями; праздник же должен вызывать у нас подлинное переживание.

Праздник Исхода из Египта весьма многогранен. Отнюдь не потому, что можно по-разному интерпретировать различные его элементы. Дело скорее в том, что самих этих элементов великое множество. Однако наиболее глубокий смысл этого праздника связан с основным его названием - Песах. Во время завершающей казни, поражения первенцев, Вс-вышний "миновал дома сынов в Египте"; это событие, ставшее апогеем и логическим завершением египетских казней, особо подчеркивает их направленность. Ведь помимо заключенного в нем чуда, это событие отражает еще один аспект - отличие между Израилем и Египтом. В исторической перспективе именно этот тезис получил свое развитие и стал фундаментальным - обособление народа Израиля от всего остального мира.

Исход из Египта - это не только обретение свободы, но и рождение народа Израиля. Однако в той же мере Исход положил начало и некоему качественному изменению. Именно тогда еврейский народ обрел не только свои наиболее характерные черты, но и доминирующий признак, определяемый Торой так: "...народ этот отдельно живет и между народами не числится" (Бемидбар, 23:9).

Первые идеологи антисемитизма (вспомните, к примеру, античного Апиана) по-своему определили этот феномен, связав

его с чувством вражды и нетерпимости, которое евреи вызывают у всех других народов. Их преемники до сих пор придерживаются подобной интерпретации, совершенно искажая внутренний смысл самого явления. Не случайно они рассматривают Исход как событие, положившее начало вечной изоляции Израиля, навсегда придавшее ему статус "народа-отщепенца".

Безусловно, исключительность - доминирующий признак народа Израиля - не вызывает ненависти у всех без исключения не евреев, но несомненно то, что она лежит в основе отчуждения и предвзятости, последствия которых еврейский народ испытывает на протяжении всей своей истории. Это относится как к диаспоре, так и к той части еврейского народа, что живет на своей земле, в своей стране, в своем государстве. Сам факт, что еще во времена Второго храма античные мыслители с осуждением писали о еврейской обособленности, очевидно доказывает: эта черта - отнюдь не характерный для современной диаспоры "механизм защиты", а наиболее значимый компонент духовного облика евреев.

Во всем мире, в каждом народе и языке есть разница между "мы" и "они". Но когда речь идет о евреях, это заметно гораздо больше.

С самых давних пор Израиль рассматривает себя не только как отдельную культурно-историческую общность, но и как особый народ, принципиально отличающийся от всех других. Это представление об избранности уникально, прежде всего тем, что оно не имеет ничего общего с "чувством национального превосходства". Даже когда евреи, в силу определенных комплексов, теми или иными способами пытаются мимикрировать, подражая окружающим их народам (возможно, эта отрицательная сторона избранности - своего рода ответная реакция на чувство тотального отчуждения), то и тогда и они сами, и их окружение осознают эту уникальность и исключительность. Именно сознание этого заставляет некоторых выходцев из нашего народа столь активно протестовать против своей "инакости" и вновь и вновь доказывать свою преданность и лояльность иным народам и культурам. Иногда это чувство сопровождается возгласами бессилия или негодования: "Почему все должно быть так?! Почему мы должны быть другими и отличаться от всех?!" Однако чем бы это чувство ни сопровождалось - гордостью или смирением, торжеством или обидой, - оно остается неизменным. Иными словами, постоянное ощущение собственной "непохожести" проявляется не только в обособленном существовании еврейского народа, это - интегральная часть его сознания.

Искреннее неприятие своей обособленности, которое - по свидетельству пророка Йехезкеля - является непрерывно действующей силой в народе Израиля ("...Будем, как [другие] народы, как племена [других] стран..." [Йехезкель, 20:32]), - это отнюдь не всегда антирелигиозный мятеж, да и не бунт против заповедей Торы. Желание быть "такими, как все" легко уживается с ортодоксальным иудаизмом: заповедь назначить царя (не только во времена пророка Шмуэля, но и в контексте Пятикнижия) связана с естественным стремлением найти такую модель правления, которая была бы наиболее адекватна общепризнанным формам власти. Неоднократные попытки многих наших соплеменников ассимилироваться свидетельствуют, прежде всего, о желании избавиться от этого ощущения обособленности. "Немцев" или "французов Моисеева вероисповедания" можно было уличить именно в этом. Даже не стремясь к сознательному разрыву с иудаизмом, они, тем не менее, пытались настолько "реформировать" (или, скорее, деформировать!) его, чтобы по форме он не отличался от других религий, изгнать присущие ему "чуждость" и "странность", сгладить острые углы, втиснуть его в привычные их окружению рамки, дабы вера их отцов максимально соответствовала представлениям о религии, сложившимся у коренного населения. При этом не столь важно, какая именно идеология или религия доминировала.

Стремление многих евреев на протяжении последних столетий слиться с европейской культурой основано на идее формирования "новых ценностей" и на попытке найти новые модели самовыражения, чтобы их очевидное для всех отчуждение и обособленность прослеживались не так отчетливо.

То, что все эти попытки неизбежно заканчиваются либо отчуждением и обособленностью от... иудаизма, либо полной моральной деградацией и отступничеством, свидетельствует о несостоятельности подобного подхода. Для сохранения еврейства жизненно важны не только его отличительные внутренние качества, но и абсолютная уникальность форм, в которых они воплощены. По той же причине разобщение между народом Израиля и остальным человечеством - вовсе не обязательно проявляющееся в обоюдной вражде - неизбежно и, увы, необходимо. Евреи не могут походить на другие народы и при этом оставаться самими собой. Причем в этом контексте не столь важно, чего они хотят: соблюдать или нарушать заповеди. Ибо в любом случае - даже когда они пытаются сбросить с себя иго царства Небес - самым парадоксальным образом осуществляется древнее речение: "...Во всех путях твоих познавай Его..." (Миллэй, 3:6) - даже в час отступничества!

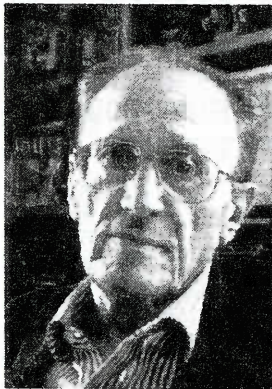
Название праздника Песах напоминает нам о казни египетских первенцев, однако далеко выходит за рамки этого конкретного исторического эпизода. Б-г "миновал" евреев и поразил египтян: с этого момента разобщение Израиля с другими народами и противостояние им становится лейтмотивом мировой истории. То, что считается правильным и приемлемым для неевреев, не прощается евреям; важное и желательное в нееврейском мире лишено ценности и смысла для нашего народа.

Однако существует еще один аспект тех же отношений. Песах как праздник вновь и вновь подчеркивает идею вечного отчуждения евреев, идею их обособленности, но он же сплачивает детей нашего народа. Спасение "домов сынов Израиля" в момент египетских казней определило водораздел между ними и нееврейским миром, чтобы в Песах каждая еврейская семья смогла принимать живое участие в самом древнем ритуале из тех, которые дошли до наших дней. Все обычаи этого дня подчеркивают внутреннее единство еврейского народа и его противостояние всему миру. Не случайно было сказано про нашего праотца Авраама: "Он - с одной стороны, а весь мир - с другой".

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925 год

(часть третья, последняя)

АИЦА

В 1941 году, когда мне было 16 лет, когда я учился в 8 классе Рижской средней школы, я испытал впервые чистую и радостную юношескую любовь. А началась она с двойного перелома щиколотки левой ноги...

Столь невразумительное начало требует, очевидно, вразумительного объяснения. Но как найти вразумительное объяснение тому, что летом 1940 года в Ригу вошли советские танки, и все перевернулось: богатые стали бедными; бедные вошли во власть; гимназисты стали простыми учениками, потеряв столь берегаемую ими индивидуальность; сестра моя была вынуждена уйти с IV курса консерватории, в которой она училась по классу фортепиано, а родители оказались не у дел, испытывая одну лишь боязнь за завтрашний день своей семьи.

Осенью, к началу нового, во всех своих проявлениях, учебного года, я уже знал, что в школе произошли крупные изменения:

во-первых, отменили форму; во-вторых, школа стала всеобщей, то есть, совместное обучение юношей и девушек; в-третьих, в нее влились ученики из других школ, класс в своем количественном составе увеличился в равной степени, как количественно увеличился и состав преподавателей. И последнее, если в гимназии (как это было раньше) обучались пять лет, то новая наша средняя школа по количеству классов сократилась до трех - 8, 9, и 10-й.

Все эти изменения вызвали во мне двойственное чувство. С одной стороны было любопытно, как это все отныне будет выглядеть, с другой же - возникло некоторое уныние от всего случившегося не только в школе, но и в жизни вообще. Вот почему я вошел в школу одним из последних, за несколько минут до первого звонка.

Первое, что бросилось в глаза "разношерстность" в одежде учеников. Каждый был одет, кто во что горазд. В том числе и я. Второе, - много новых лиц при заметном отсутствии моих одноклассников прежних школьных лет.

Свободных мест почти уже не было, лучшие места у окна и вдоль противоположной стены были предельно заняты. Верно, одно такое место все же оказалось свободным, рядом с девушкой с огромными серыми глазами. "Разрешите, мадмуазель", - обратился я к ней и воспользовавшись ее некоторым замешательством, сел с ней рядом по какому-то неведомому мне наитию. Звали ее Аицей. Она была очень прилежной ученицей, помогала мне решать задачи по алгебре, которую, как впрочем, все науки, связанные с математикой, чертовки не любил и не воспринимал.

Пришла зима, и раз в неделю мы всем классом во главе с преподавателем физкультуры выезжали в ближайший пригород покататься на лыжах. Обычно это было недалеко, примерно, в часовой доступности. В последней такой вылазке я воспользовался небольшим естественным трамплином, но, увы, неудачно. Это был ледяной бугор под снежным прикрыванием, лыжи разъехались в разные стороны, и я совершил совсем не мягкую посадку. Точас в левой щиколотке почувствовал острую боль, но самолюбие не позволило в этом признаться. Я попросил ребят не обращать на меня внимания и уговорил физика продолжать путь, пообещав их догнать, в крайнем случае, вернуться домой.

Нога стала распухать на глазах. Боль усиливалась, спасало только то, что доведенные лыжные ботинки были довольно высокими и плотно охватили распухшую щиколотку. Начался длинный и мучительный путь домой - двумя трамваями с пересадкой. Сестра в трамвае я не пошел: во всех вагонах висели таблички на латышском языке: "Юноши! Уступите место старшим". К концу пути силы меня почти оставили. Слезы текли по щекам, было очень больно и страшно. Уже стемнело. Голова кружилась, подступала тошнота, я уже не верил, что сумею дойти сам до дому. Ведь от трамвайной остановки предстояло еще идти метров триста, а я уже больше не мог.

С трудом сошел со ступенек трамвая и... увидел отца. Отец, предчувствуя что-то неладное, уже окончательно стемнело, пошел меня встречать. Он тут же остановил извозчика (до войны в Риге это был основной вид частного транспорта), и мы поехали домой. Был срочно вызван наш семейный врач, и узнав от отца о чем идет речь, принес собой портативную рентгеновскую установку. Сделали снимок, и через некоторое время врач вернулся с помощницей-сестрой и с гипсом. В щиколотке оказались две трещины. Ногу загипсовали, приделали к пятке железную скобу, чтобы я мог ходить на ней, и... неожиданные каникулы на целый месяц.

На следующий день меня навещал весь класс во главе с учителем физкультуры. Когда я показал им свою загипсованную ногу, все сначала невольно замолчали, а потом стали шумно высказывать восторг по поводу моего мужества. Я вдруг почувствовал себя героем дня. На следующий день пришла Аица, но уже одна.

Аица стала приходить почти ежедневно, приносила уроки, в смысле задания, помогала мне не отставать от учебного плана. В дневные часы дома редко кто бывал, и приход Аицы, этой девушки с красивыми серыми глазами, доставлял мне большую радость. Мы что-то друг другу рассказывали, смеялись, обсуждали школьные новости, нам было хорошо вдвоем.

Наши встречи нашли свое продолжение и весной, катались на велосипеде, заходили в небольшие кафешки, где всегда были недорогие и очень вкусные булочки и маленькие пирожные. Мы радовались весне, юности, жизни...

В 1941 году в Риге шел с сумасшедшим успехом немецкий цветной кинофильм "Девушка моей мечты", в котором, в исполнении Марики Рёки, прозвучали слова "фривольной" песенки. Этот шлягер напевала вся Рига, и мы с Аицей в том числе, хотя в кино нас тогда еще не пускали по причине "малолетства". Тогда нравы строго наблюдались. Когда я приходил к Аице во двор ее дома, я насмивал именно этот мотив песни, а в ответ раздавался веселый перестук ее каблуков по лестнице и веселый возглас "Салют" и мы отправлялись гулять. Ездили на Рижское взморье, посещали в Межапарке зоосад, бродили просто так по узким улочкам Старой Риги. О школьных заданиях мы не спешко думали тогда. Гнетущее ощущение, что: "Тучи над городом встали, // В воздухе пахло грозой..." не покидало нас. Немецкие войска вошли в Париж, бомбили Лондон, Польша оккупирована, в самой Риге множество богатых в прошлой жизни семей под прицелом "советского возмездия". Настроения учиться ни у Аицы, ни у меня не было. Мы сами не понимали, как по-юношески влюблены друг в друга.

Глубокой осенью 1945 года, я вернулся после демобилизации из армии в Ригу, и тотчас пошел на знакомую улицу, где находился столь знакомый мне двор, и стал насмивать уже полузабытую мелодию из "Девушки моей мечты". Но тишина! Никто не откликнулся. Только дворник подошел, и грустными глазами глядя на меня, сказал: "Парень, не жди свою Аицу, ее расстреляли немцы".

Гарри Лак
Петрозаводск 2009

"Ашдодский дневник" Марка Польшковского

Марка Польшковского я знаю не один десяток лет. Знал его - физика и математика - как гуманитарно и литературно очень чуткого человека. Но при всем при том и не подозревал в те уже весьма не близкие годы, что он пишет стихи. Что ж, это очень похоже на его сдержанный, "прибалтийский" характер. Да и сами стихи Марка Польшковского сдержанные, если хотите, корректные и вместе с тем очень и очень сердечные. Я нахожу этому объяснение и в том, что поэт никогда не суетился, не бегал по редакциям газет и журналов, устраивая свои стихи. Он мудро в тиши воспитывал свой стих. Да, теперь я могу уверенно сказать: свой незаурядный стих. Притом в нем, в стихе Марка Польшковского, нет разнобоя, разностильности начинающих поэтов. Это и понятно: мы не знали и не знаем его первых шагов. Для читателей "Ашдодского дневника" Марк Польшковский органический, сложившийся поэт. Для нас, для читателей, он никогда не был начинающим поэтом.

Я не случайно упомянул о сдержанном, "прибалтийском" характере Марка Польшковского. Его отец Теодор Польшковский родом из латвийского города Валга. На одном берегу реки латышский город Валга, а на другом эстонский город Валга. Мы не раз встретим в стихах Марка Валгу, а еще и Казань, где в войну отец его Теодор встретил будущую мать поэта. Дедушка и бабушка со стороны отца были врачами, учились в Германии. В семье говорили по-немецки. С немецким языком у отца Марка было в Петрозаводске советских времен довольно забавное приключение. Делегацию западных немцев привели в больницу к заведующему отделением Теодору Польшковско-

му, который с ними заговорил на чистейшем немецком языке. Советские начальники перепугались и начали терзать переводчика, чтобы перевел на "обратную" сторону...

Я несколько отвлёкся, отошел в воспоминания. Мне кажется, это в духе стихов нашего поэта. Ведь его стихи - это дневник, и поэт верно назвал свою книгу "Ашдодский дневник". Это и мир поэта, и, понятно, мир современного человека. Но поскольку поэт не новичок на этом свете, то и мир воспоминаний, эти "узелки памяти" занимают существенное место в его книге: "Былое вновь преследует меня..." И где-то недалеко строки о поздних, последних годах, отца: "Вся скорбь еврейского народа в его глазах..." В этом ряду и воспоминания о своем детстве на Севере, в Карелии, в Петрозаводске.

Я родился в ненастье,
Появился на свет
В городке над Онего,
Где лишь тишь да вода,
Где от снега до снега
Пролетают года...

И жизнь идет как жизнь и нет сплошной стены, отлеяющей прошлое от сегодняшнего дня.

В Иерусалиме цветет миндаль,
Он белым снегом покрыл деревья,
И здесь, на взгорье, зима, февраль,
Как в прионежском лесном селе...

А заканчивается первый раздел книги "Узелки памяти" давним стихотворением аж 1979 года и названном "Колыбельная".

Да, первый раздел книги - это воспоминание о близких, о нашем Севере, о Петрозаводске, где после войны родился автор. И в раздел "Я здесь живу" тоже неизбежно всплывают воспоминания. Зимой "В Негеве красно от анемонов", а "Над Онего властвует мороз..." Реальная жизнь включает в себя, конечно, не только наблюдения и воспоминания. Вот строки из стихотворения "Раздумья":

Я постигаю этот край как свой.
Я - иудей. И я - израильтянин...

Стихи Марка Польшковского обстоятельны, от их внимания ничто не ускользает. Если раздел называется "Ашдодская осень", то мы обязательно как бы прикоснемся к этой незабываемой осени.

Есть в этой книге некоторые стихи, к которым не решаюсь приступить - они глубоки и важны в духовном мире поэта. Это, в первую очередь, "Я не вступаю с Б-гом в диалог..." и еще, быть может, "Грусть".

А заканчивается книга разделом "Еще не кончилась война" и одноименным стихотворением. Что ж? Такова судьба не только государства Израиль, но и многотысячелетней истории еврейского народа.

Иосиф Гин

К 20-летию побратимских отношений Петрозаводск-Тюбинген

Обыкновенная история необыкновенной любви

Ойген Шмид в синагоге

Первый визит в Тюбинген

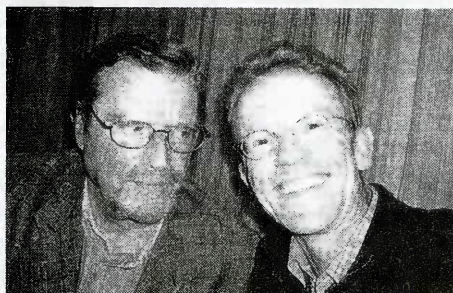

Бригитта Русс-Шерер в синагоге

Есть события, определяющие дальнейшую жизнь на многие годы вперед, причем это становится очевидным лишь некоторое время спустя. Сейчас, по прошествии тринадцати лет, можно с уверенностью сказать, что встреча летом 1995 года Тюбингенского пастора Дакварта-Пауля Целлера с представителями еврейской общины Петрозаводска на квартире Вадима Мизко, бывшего малолетнего узника фашистских концлагерей, стала именно таким знаковым событием. Образно говоря, это был тот камушек, брошенный у истока маленького ручейка, который заставил изменить его течение, и этот ручеек принял другое направление и разросся в широкую могучую реку, питающей своей живительной влагой всех, приходящих на ее берега. Дар Свитка Торы нашей общине, осуществленный общиной Дитрих-Бонхоффер и христианами Тюбингена, изменил не только жизнь евреев Петрозаводска, но и как каждое доброе дело, породил целый ряд изменений по обе стороны границы. Как писал обер-бургмистр Тюбингена Ойген Шмид: "Для меня этот гражданственный порыв, родившийся внезапно, в разговоре нескольких человек, является свидетельством того, что первоначально нежное растение партнерства между немцами и русскими, между Петрозаводском и Тюбингеном, со временем пустило глубокие корни и на своем мощном стволе сумело напитать живительным соком многие ветви, на возникновение и рост которых мы до недавнего времени не смели даже и надеяться". Действительно, в наших отношениях пересеклись несколько линий: это отношения между Германией и Россией, Тюбингеном и Петрозаводском, немцами и евреями, христианами и иудеями. Эти отношения очень скоро переросли в настоящую большую дружбу между нашими общинами - тюбингенской евангелической общиной Дитрих-Бонхоффер и петрозаводской еврейской общиной. Это пример того, как можно дружить людям разной конфессиональной принадлежности, не пытаясь навязывать свои убеждения друг другу. И не случайно, что именно еврейская религиозная община стала инициатором проведения Межконфессиональных круглых столов в Петрозаводске, на которые собираются представители различных религиозных конфессий и направлений, и которые стали уже традиционными. Один из крупнейших теологов современности Ганс Крюнг написал: "Будучи президентом фонда "Мировой этос", я особенно радуюсь тому, что развитие еврейской общины оказалось столь живительным и что она проявляет активность, выходя за собственные рамки... Ибо: не может быть мира между нациями (а также внутри одной нации или города), если нет мира между религиями! Вот и наш фонд "Мировой этос" прилагает усилия к созданию в Германии подобных постоянно действующих Круглых столов по вопросам религий... Всем участникам Круг-

Борис Палмер и Дмитрий Цвибель

Пауль Целлер и Михаэль Фолькман

лого стола, и особенно неутомимому инициатору Диме Цвибелю, я выражаю благодарность за их готовность, и от имени фонда "Мировой этос" желаю открытого и плодотворного диалога и большой удачи!... И еще: "Все, что я желаю всей России, особенно городу Петрозаводску с его еврейской общиной от всего сердца: мир между религиями как предпосылка для мира между народами".

Мир, ШАЛОМ - это самое часто употребляемое слово в еврейском языке. Мир в душе каждого, мир в семье, мир между людьми, между народами, между государствами... Когда наша делегация во время визита в Тюбинген вручала Почетные грамоты Главы Республики Карелия и Главы самоуправления города Петрозаводска Данкварту-Паулю Целлеру за вклад в дело установления и развития побратимских связей между нашими городами, он сказал: "60 лет назад я начал свою службу, и первую награду - "Орден за отвагу против врага" - получил за заслуги в войне против Советского Союза. И вот сейчас меня чествуют те, с кем я тогда воювал. Эти очень важные для меня награды я воспринимаю как противовес той, первой". Эти искренне произнесенные слова под-

тверждают правильность избранного нами пути, ибо в Талмуде сказано: "Кто герой? Тот, кто врага превращает в друга".

Всякий раз, когда делегация нашей общины приезжает с визитом в Тюбинген, ее принимают в ратуше, а обер-бургмистры Тюбингена, находясь в Петрозаводске, считают своим приятным долгом посетить синагогу. Так было во время визитов Ойгена Шмида, Бригитты Русс-Шерер, Бориса Палмера.

Еще одним подтверждением того, насколько немецкая сторона серьезно относится к нашим взаимоотношениям, является опубликование в 2007 году книги "Евреи Петрозаводска, христиане Тюбингена: удивительная история любви" (составитель Михаэль Фолькман). В этой книге собраны материалы, прослеживающие основные этапы наших отношений, помещена краткая история евреев Петрозаводска (автор Давид Генделев), письма, официальные документы, воспоминания. А Данкварт-Пауль Целлер в 2008 году выпустил книгу "Загадка партизанской Торы. (Теологический детективный роман)", где в художественной форме описаны события, связанные с дарованием Свитка Торы нашей общине, развитие наших отношений. Кроме того, свободная форма книги позволила автору высказать свои мысли по поводу христианско-еврейских отношений на протяжении веков, проанализировать причины разногласий и того антисемитизма, который привел мир к Холокосту.

Со своей стороны, еврейская община выпустила книжку "Время любить" (автор Дмитрий Цвибель) о дружбе двух наших общин, которая давно уже стала библиографической редкостью.

Вот так на наших глазах, "в дни нашей жизни" происходят события, которые, как мы надеемся, прокладывают новые пути взаимопонимания между народами, которого так недостает современному человечеству. Как сказал пастор Михаэль Фолькман: "Так пусть растет и процветает наше швабско-карельское оливковое дерево, пусть плодоносит и принесит многим счастье. И будем благодарны Г-споду Б-гу за то, что расцвело между нами".

Наши отношения - залог того, что мы уже никогда не будем врагами, и этого уже достаточно, чтобы понять, что именно так: глаза в глаза, от сердца к сердцу - путь, который должен пройти каждый человек, чтобы приблизить день, когда "рассудит Он народы, и даст поучение многим народам, и перекуют они мечи на орала, и копыя свои - на садовые ножицы; не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать" (Исаия, 2:4).

Дмитрий Цвибель

27 января - 21 апреля в 12.00 на старом еврейском кладбище состоится традиционная церемония памяти жертв Холокоста.

**5 мая - 29 апреля
- День Независимости
Государства Израиль**

В Национальной библиотеке Республики Карелия прошла встреча читателей с Дмитрием Цвибелем, посвященная его книге "От Станции Зима к Бабьему Яру", имеющей подзаголовок "Еврейские обертоны творчества Евтушенко". Автор в живой непринужденной форме рассказал о том, как рождалась книга, о своих находках, о том огромном материале, которые не вошел в книгу, ответил на вопросы.

В заключении присутствующие прослушали в записи первую часть Тринадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича "Бабий Яр", написанную на текст знаменитого стихотворения Евгения Евтушенко.

Благодарственные письма Главы Республики Карелия вручены авторам книжки "В огне Холокоста" Адольфу Островскому и Дмитрию Цвибелю. Эта книжка - рассказ о судьбе Семена Бекенштейна, выжившего в белостокском гетто, страшных лагерях смерти Освенциме и Маутхаузене. В огне Холокоста погибли все родственники Семена Ионовича. После освобождения С. Бекенштейн попал в Карелию, где и живет по сей день, активно участвуя в жизни общины, выступает с рассказами перед молодежью. Записал свидетельские показания для Фонда Спилберга. Как говорится в Благодарственном письме: "Выражаю благодарность за издание книги "В огне Холокоста", имеющей большую значимость в патриотическом воспитании населения".

Людмила Гринберг, преподаватель воскресной школы ЙОМ РИШОН приняла участие в первом семинаре, проведенном Петербургским городским форумом еврейского образования "БАМА". Международный Форум "БАМА" был создан несколько лет назад по инициативе Еврейского агентства для обмена опытом, совместной выработки новых идей и планов в области еврейского образования на постсоветском пространстве.

"Возможности интеграции между еврейским и общим предметным циклами", "Ярмарка прикладного творчества", "Россия как место рождения государства Израиль", "Знакомство с еврейской традицией", "Танахические источники русской классической поэзии" - лишь некоторые темы этого содержательного семинара. Очень интересным был "Виртуальный тур по Израилю: Архитектура", рассказывающий об археологических находках последнего времени. На семинаре был представлен и современный израильский кинематограф фильмом "Визит оркестра", получивший множество международных наград. А такие имена, как д-р Велв Черни, Барух Финкельштейн, д-р Валерий Дымыщ, Евгения Львова, Елена Винницкая, д-р Юлия Патракова, Вадим Блюмин, говорящие сами за себя, сделали прошедший семинар незабываемым.

Наша кухня

Цукер-леках пасхальный пирог

Мука - 1 стакан; сахар - 1 стакан; яйцо - 4 шт.; сахар для обсыпки - 1 ст. ложка.

Желтки растереть с двумя столовыми ложками сахара до образования пышной массы, добавить муку и хорошо размешать. Белки взбить, постепенно добавляя сахар, до густой пены, смешать с желтками и мукой. На железный лист, смазанный маслом и подпыленный мукой, выложить чайной ложкой небольшие лепешки на расстоянии 3 см одна от другой, посыпать их сахаром, выпекать на среднем огне 10-12 минут.

Латкес из мацы

Маца - 1.5 листа; яйцо - 3 шт.; соль - 1 ст.л.; растопленный жир - 4 ст.л.; жир для жаренья.

Размочить мацу в холодной воде, воду слить, а мацу растереть в кашу. Яйца взбить вместе с солью, добавить все остальные продукты, перемешать. Разогреть на сковороде жир, выкладывать тесто столовой ложкой, жарить с обеих сторон, пока не зарумянятся.

Оладьи из мацы

Маца - 100г; яйцо - 2 шт.; соль - по вкусу.

Мацу мелко покрошить, положить в дуршлаг, влить горячую воду и дать маце размякнуть, затем ее переложить в посуду, посолить, вбить яйца, размешать и жарить на растительном масле или гусином жире в форме оладьев.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**КОГДА Я МОЛЮСЬ, ТО МОЛЮСЬ БЫСТРО,
ИБО ОБРАЩАЮСЬ К Б-ГУ;
КОГДА ЖЕ ЧИТАЮ ТОРУ, ТО ЧИТАЮ МЕДЛЕННО,
ИБО Б-Г ОБРАЩАЕТСЯ КО МНЕ.**

Пословица

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

**САРАТОВКИНУ
Людмилу Дмитриевну**

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой
"Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.